

Киримизе Жанэ

СНИТСЯ

МНЕ

ВОЙНА

Киримизе Жанэ

СНИТСЯ МНЕ ВОЙНА

Майкоп
2005

УДК 821.352.3-1/31
ББК 84(2Рос-Ады)6-9
Ж-27

Жанэ Киримизе

Ж-27 Снится мне война. Избранное. — Майкоп:
2005, — 144 с.

В июне 1941 года в возрасте двадцати двух лет молодой адыгейский поэт Киримизе Жанэ уходит на фронт, где отважно сражается с врагом. Огненным конем черкеса стал легендарный Т-34. О мужестве и героизме, о любви и верности, о незабываемом подвиге народа, отстоявшего свою свободу, повествуют вошедшие в сборник военные стихи, волнующий рассказ о матери пропавшего без вести солдата, документальная повесть о Герое Советского Союза Х. Андрухаеве.

© Текст К.Х. Жанэ

© Составление и редакция З.К. Жанэ

Киримизе Жанэ. 1941 год

Точка опоры

Есть истории, которые как бы лежат перед глазами, а рассказать о них почему-то очень трудно. Берешься за перо, и чужая боль становится своей. Так получилось и с этим рассказом — о моей землячке Гулез. С ее сыном мы были хорошо знакомы — Хасанбий всего на год или два младше меня. Впрочем, сколько помню «себя, все ее звали не Гулез, а Нандах. Буквальный перевод — красивая нан, то есть красивая мама. В ауле привыкли к этому, и все так и звали ее — Нандах, а многие и вовсе не знали ее настоящего имени. А называть ее первым так стал Хасанбий. Говорят, прибежал как-то из школы, взглянул на мать и выпалил: — Нандах!

Гулез рассмеялась — быть может, впервые после трагической гибели мужа: этот малыш всегда что-нибудь придумает, с ним не соскучишься...

Но с того дня Хасанбий стал называть мать только этим, им самим придуманным, именем. Дома, на улице, в школе, в магазине — всюду, где бы они ни бывали вместе. Его звонкое и меткое Нандах пришлось всем по душе. Совсем немного времени прошло, и в ауле уже ни одна душа не обращалась к Гулез по старому.

Хасанбий гордился матерью. Для него она была самая красивая, самая знающая, са-

мая добрая, самая понимающая, самая, самая...

Рассказывали мне, что перед войной он собрался было жениться. Матери невеста понравилась, и это укрепило его решение. Свадьба была назначена на начало июля, а в конце июня призвали Хасанбю на фронт.

У нее сохранилась пачка писем. Как ни тяжело приходилось Хасанбю — он участвовал в боях под Ростовом, под Сталинградом, — всегда выкраивал минутку, чтобы хоть несколько слов черкнуть матери. Жив, мол, здоров, не беспокойся обо мне, дорогая Нандах, скоро встретимся.

Нандах трудилась на ферме за двоих, домой приходила только поспать. Письма тогда приносил старый Бетмиз, которому, оторвало ногу еще на первой мировой войне. Чаще всех получала весточки с фронта Нандах. Она читала их не сразу. Спрятав письмо, заканчивала работу, наводила порядок на ферме, шла домой. Дома, усевшись за столом, медленно, осторожно разворачивала бесценный треугольник. Глаза ее ловили привычную фразу «Дорогая моя Нандах!», и слезы закрывали тусклый свет лампы. Она плакала радостными, счастливыми глазами. И вдруг, бросив ложку, Нандах снова складывала письмо треугольником и старалась разобрать дату на почтовом штампе, носящем номер полевой почты.

«Прошло десять дней, — подсчитывала она, — десять долгих дней войны. Что там с ним?»

Она включала радио, чтобы не пропустить очередную сводку Советского Информбюро.

Вслушивалась в каждое слово: где идут бои, кто отличился. Не раз в сообщениях называли фамилии. К ним Нандах прислушивалась, затаив дыхание: не услышит ли что о своем Хасанбие?

Прослушав сводку, принималась опять читать письмо. Читая, представляла, где писал его сын, в каких условиях. Были письма, которые он сочинял, сидя за столом, это сразу было видно. Ровные строчки, гладко сформулированные фразы, призванные успокоить материнское сердце. Были письма, написанные на колене, они состояли из нескольких фраз. Огромные корявые буквы. «Дорогая Нандах, жив, привет Зейнаб, твой сын Хасанбий». Получив такое письмо, Нандах не могла унять тревоги. Бессонные ночи, дни ожиданий. Понимала: те слова были написаны в бою, в минутной передышке. И вскоре приходило новое письмо. Она предчувствовала этот момент. В два часа дня, когда Бетмиз появлялся у конторки, выбегала из корпуса. Он утвердительно кивал, и она, словно на крыльях, перелетала пространство между корпусом и конторкой. Взглянув на адрес, увидев почерк сына, прятала треугольник и шла работать.

А весной заболела повариха в тракторной бригаде, и готовить пищу механизаторам попросили Нандах. Бетмиз со своей культяпкой в такие дальние прогулки пускаться не решался, письма Нандах он заносил, когда та, в сумерках, накормив механизаторов, возвращалась домой. Спешить старику было уже некуда, он с удовольствием принимал при-

глашение выпить чаю. Разговор шел всегда об одном.

— Лучше бы мне, Нандах, самому умереть, чем страшные вести разносить. Уж сколько раз спросил на другую работу, не переводят. Отдашь письмо и убегаешь и знаешь, что проклинают тебя сейчас. Слова эти бьют в спину, в голову...

Слушала его Нандах и шептала про себя обрывки слышанной в далеком детстве молитвы: Боже, будь милостив к моему сыну Хасанбию. Ты ведь сам знаешь, что таких сыновей не так уж много...

А однажды она услышала у своего плетня шаги Бетмиза — их нетрудно было отличить от любых других шагов. Особенно в дожди, когда дорога раскисала. Острые костыля вонзались в разбухшую дорогу со свистом, а выскакивало из нее с каким-то унылым урчанием. Как всегда, она бросилась ему навстречу. Но старик, задержавшись на минутку у ее калитки, прошел дальше:

— Дядя Бетмиз, — крикнула Нандах. — Дядя Бетмиз, что же ты... Зайди хоть чайку попить...

Но Бетмиза словно в спину толкнули — он припустился еще быстрее. Хлюп, хлюп — урчал костыль.

Нандах вошла в дом. И вдруг бросилась к дверям. босая, не разбирая дороги, пустилась за почтальоном. Догнав, крикнула:

— Стой, злой вестник!

Старик остановился и как-то странно вздохнул. Нандах показалось, будто он всхлипывает. Он протянул ей белый пакет и взял за руку.

— Домой доведу, — пробормотал Бетмиз. — Прости ты меня, не мог.

Она вырвала свою руку, уткнулась в плечень и зарыдала. Сколько так стояла, не помнит. Придя домой, зажгла коптилку, надорвала конверт, дрожащими пальцами извлекла сложенный вдвое листок. Развернула, скользнула по нему взглядом. И вдруг впиалась в него глазами. Что это? О, Боже, ее Хасанбий не убит, он пропал без вести. Не убит! Пропал без вести! Пропал, значит, отыщется. Ну, конечно, отыщется. Ведь это ее Хасанбий. Как только он отыщется, то сразу же напишет ей. Значит, надо ждать. Как она могла — начала оплакивать живого! И обругала ни в чем не повинного старика. Сейчас же надо извиниться перед ним.

Нандах всунула ноги в резиновые сапоги, набросила платок и пошла к почтальону. Еще с порога крикнула:

— Извини ты меня, дуру, жив он, жив!

Старик и его жена усадили Нандах, попросили прочитать извещение, а затем стали наперебой рассказывать истории о пропавших без вести. Один не в свой лазарет был доставлен, другой в плен попал и вскоре бежал оттуда, третий даже ранен не был — просто в бою прибился к другой части. Ровно через пять дней после получения извещения о том, что он пропал без вести, его родители получили письмецо от него самого.

Вот так они беседовали. И Нандах стала ждать писем от сына — чем она хуже других счастливых?

Но прошло пять, а потом и десять, а потом и десять по десять дней, а писем от Хасанбия не было. Горько было думать, что ее сын попал в плен, но Нандах именно это вбила себе в голову. Война есть война, самого храброго джигита могут ранить. А раненый что может сделать?

«Теперь, — сказала она себе, — надо молить алаха, чтобы наши скорее покончили с фашистскими бандитами, освободили всех, кто попал к ним в рабство. И тогда мой Хасанбий возвратится домой. Пусть без руки или без ноги, пусть с одним глазом, но живой. Живой!»

На недолгое время был захвачен врагом и их аул. При его освобождении погибло немало советских бойцов многих национальностей. Жители аула похоронили их на центральной площади, у здания сельсовета. На деревянном постаменте, временно установленном на братской могиле, были начертаны имена всех, кто отдал свою жизнь за освобождение неведомого им аула. Потом, через несколько лет после победы, на могиле поставили большой памятник, а имена павших героев высекали на гранитной плите.

Аулчане любовно ухаживали за братской могилой. Много времени отдавала этому и Нандах. Она разводила вокруг памятника цветы, убирала опавшие листья, поддерживала вокруг чистоту и порядок. И — ждала сына.

Как-то в сельсовет пришло письмо из Москвы. Писала мать солдата, похоронен-

ного в братской могиле. Она сообщала, что вскоре сможет осуществить свою давнюю мечту — побывать там, где сложил голову ее сын, поклониться дорогой могиле, поблагодарить людей, которые за ней ухаживают.

Председатель сельсовета показал письмо Нандах и попросил ее ответить москвичке — матери, потерявшие своих детей на войне, сумеют найти общий язык, поймут друг друга.

Неспроста сделал это председатель — он видел, что у Нандах с годами иссякает надежда, а это была единственная ниточка, связывавшая ее с жизнью. Знакомство с женщиной, испытавшей сполна горечь материнской утраты, думалось ему, поможет Нандах найти новую точку опоры.

Долго сидела Нандах над письмом, а написала всего три строчки.

«Дорогая Мария Петровна!

Приезжайте в любое время и заезжайте сразу ко мне, это будет ваш дом в ауле». И подписалась: Нандах. Подумав, добавила: Гулез.

Вскоре прибыла телеграмма — Мария Петровна пустилась в дорогу. В Майкопе ее встречали Нандах и председатель сельсовета. Но он старался держаться в стороне. Москвичка оказалась ткачихой с «Трехгорки». Высокая, полная женщина, несмотря на седину, выглядела значительно моложе своих лет в отличие от худенькой Нандах, которую можно было принять за глубокую старуху.

Мария Петровна положила цветы к подножию памятника и долго читала надписи, на мраморной плите. По щекам ее текли слезы. Чуть в сторонке плакала Нандах.

Они повсюду ходили вместе. Мария Петровна записала фамилию и имя сына Нандах и пообещала узнать о нем все, что возможно. Отсюда же, из аула, отправила она несколько писем с запросами.

Была осень, желтая и сухая. Сопровождая гостью, Нандах несколько раз побывала в клубе, была на встрече со школьниками. Комсомольцы аула попросили у нее письма сына с фронта и поместили их на специальном стенде рядом с письмами и другими реликвиями, сохранившимися у фронтовиков и их родственников. Ей это было очень приятно. И провожала Марию Петровну уже не так глубоко старуха — общение с людьми разгладило морщины, вернуло глазам Нандах их прежний блеск.

Письма из Москвы приходили часто. Мария Петровна с помощью столичных пионеров нашла бывшего фронтовика, который сражался в одной части с Хасанбием. Он сообщил, что молодой адыг был тяжело ранен в бою под Сталинградом, попал в плен, но умер от ран в тот же день. Герою похоронен Хасанбий, он, понятное дело, знать не мог, да и вряд ли это возможно было выяснить, но факт его смерти подтверждал полностью. Обо всем этом Мария Петровна очень тактично, но без утайки написала Нандах. А закончила свое письмо словами:

«Плачь, дорогая Нандах, плачь, теперь судьба твоего сына известна: он погиб за счастье и свободу нашего народа, за счастье и свободу всех людей земли. В этом — твое и мое утешение».

А вскоре после этого письма вдруг пришла срочная телеграмма. Мария Петровна сообщила, что в Москве, у самой кремлевской стены, будет торжественно похоронен прах Неизвестного солдата. Очень может быть, что это твой сын, Нандах, поэтому срочно приезжай на похороны, — писала она.

С этой телеграммой Нандах и прибежала в сельсовет.

— Надо, ехать, — решили там. — Через несколько дней в Москву отправляется делегация наших школьников, поедешь с ними. А там Мария Петровна тебя встретит.

...Траурные марши рвут сердце на части. Утешать здесь друг друга некому — рыдания сотрясают старых и молодых, мужчин и женщин. Каждый уверен: здесь, у Кремлевской стены, покоится отныне его сын, или брат, или отец, или другой самый близкий, самый незаменимый; Тот, о ком долгие годы ничего не было известно, кроме одного: он умер героически.

Медленно двигались они в бесконечной толпе к гранитному постаменту, в нише которого вспыхнул Вечный огонь. Они не торопили идущих впереди, и следующие за ними не торопили их. И, наконец, остановились. И обе почувствовали жаркое дыхание пламени, которое ветер доносил с Его могилы.

лы. И обе, медленно, словно вырубая эти слова в камне, прочитали:

*«Имя твое неизвестно,
Подвиг твой бессмертен!»*

Люди проходили, а они все стояли и стояли. И казалось Нандах, будто в отблесках Вечного огня возникает родной облик Хасанбиа, будто ветер доносит до нее мальчишеский голосок:

— *Нандах, моя самая красивая мама...*

СОДЕРЖАНИЕ

Цветы как люди <i>Перевод В. Твороговой</i>	5
Снится мне война <i>Перевод А. Гриценко</i>	6
Это было в бою... <i>Перевод Л. Типовой</i>	7
Давно отгремела война... <i>Перевод Р. Заславского</i>	8
Точка опоры (рассказ) <i>Перевод П. Плескачевского</i>	9
Хусен Андрухаев (повесть) <i>Перевод П. Плескачевского</i>	21

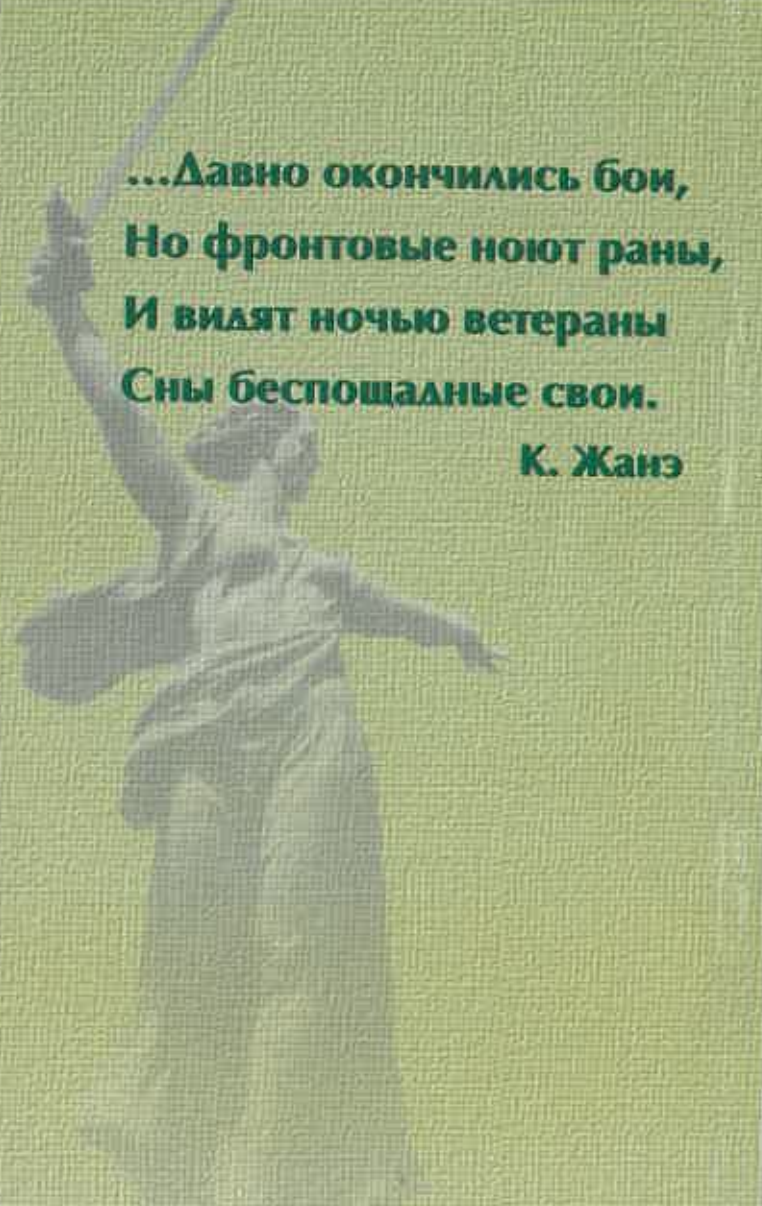
Киримизе Жанэ СНИТСЯ МНЕ ВОЙНА

Бумага офсетная.

Способ печати офсетный.

Заказ № 1228. Тираж 1500.

Отпечатано в типографии Фридмана,
лиц. № 070444 от 13.03.98 г.,
г. Майкоп, ул. Пролетарская, 99,
тел.: (8772) 54-83-92, 54-52-70.

**...Давно окончились бои,
Но фронтовые ноют раны,
И видят ночью ветераны
Сны беспощадные свои.**

К. Жанэ